

ТЭОРЫЯ І ГІСТОРЫЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 321.64:329.15(47+57)

П. И. Бондарь

Духовные деформации в правящей партии: причины, следствия, уроки этики субъектам политики

Анализируются источники и последствия духовно-нравственных деформаций в КПСС как правящей партии в советском социуме, а также обосновывается сущностный смысл уроков этики субъектам политики Беларуси и других суверенных государств на евразийском пространстве.

Концептуальный лейтмотив статьи – монополярная власть в СССР одной партии породила спектр социальных девиаций: лидеры, находившиеся в арьергарде армии коммунистов, в условиях углубляющегося кризиса в обществе уклонялись от его проблем и противоречий; средства пропаганды замалчивали «хронические болезни»; политическая элита ограждала себя завесой секретности; возобладали тотальная апология и мнимых достижений; поощрялось единогласие и пресекалось инакомыслие; целенаправленно формировался культ «гениальных» вождей; процветали «кремлевское интриганство», коррупция, карьеризм и прожектёрство.

Декларированный смысл политики и идеологии правящей в советском обществе партии заключался в том, чтобы быть образцом для подражания, светочем, умом, честью и совестью социалистической эпохи.

Как оправдывает коммунист доверие народа? Как соблюдает моральные нормы и партийную этику? Какое влияние оказывает на атмосферу в коллективе? Эти вопросы периодически обсуждались на пленумах, заседаниях бюро ЦК, обкомов, горкомов, райкомов КПБ, парткомов предприятий, колхозов, совхозов, строек, учреждений образования, науки, культуры.

Материалы социологических исследований, проведенных в БССР в 1980-е гг., свидетельствуют, что большинство коммунистов-рабочих перевыполняли плановые задания, были вовлечены в техническое творчество. У них были сформированы такие качества, как ответственность, рационально-полезное применение новых знаний, навыков и умений в производственной деятельности.

В 1986 г. 90 % коммунистов Белоруссии выполняли общественные поручения. Среди 485 депутатов Верховного Совета и 84 780 депутатов местных Советов их было соответственно 67,6 и 43,3 %. 304 921 комму-

нист работал в выборных партийных, комсомольских, профсоюзных органах, 145 497 – являлись народными контролерами. Их удельный вес среди пропагандистов системы партийной учебы составлял 99 %. Среди политинформаторов – 63,7 %, агитаторов – 56 %.

Особая ответственность возлагалась партийными комитетами на руководителей коллективов, которые должны были проводить в жизнь решения КПСС и правительства, культивировать образцовый стиль поведения, справедливо оценивать вклад рабочих и специалистов в созидательно-творческие достижения, внимательно относиться к предложениям, критике и ожиданиям людей и т. п.

Сегодня, когда опыт советской эпохи подвергается негативной оценке, важно отметить, опираясь на достоверные факты истории, что партийные структуры Белоруссии добивались положительных результатов – улучшался качественный состав кадров промышленности, строительства, сельского хозяйства, культуры; они доказывали свою состоятельность результатами работы. Доверие сочеталось со строгой взыскательностью за просчеты и проявления нерадивости в исполнении должностных обязанностей.

История преобразований в СССР убедительно свидетельствует, что после революции молодое государство совершило прорыв от отсталости к бесспорной цивилизованности. Однако в 1980-е гг. административно-командная система управления обществом, центрирующим звеном которой была КПСС, исчерпала себя.

Бытует мнение, что ответственность за распад СССР несет партийное и государственное руководство. Но не менее логично адресовать обвинения миллионам коммунистов, бескорыстно служившим народу и верившим в порядочность и профессиональную компетентность руководителей.

Обозначенная дилемма затрудняет категорично-безальтернативный ответ. Попробуем разобраться в вопросе: каковы источники духовно-нравственных деформаций в правящей партии?

Во-первых, нормы организации и деятельности КПСС к 1980-м гг. исчерпали себя. Основой партийной теории и практики был принцип, предполагающий органичное соединение двух начал – демократизма и централизма. В течение десятилетий он догматически истолковывался. Восторжествовало аксиоматическое убеждение, что в суровых испытаниях строительства нового общества, соперничества и конфронтации с капиталистической системой без жесткого централизма в партии и государстве прогрессивная созидательная деятельность невозможна. Не уважалось мнение меньшинства, канули в прошлое дискуссии о партийной этике, популярные после революции. Централизм оказался несовместимым с укреплением нравственных основ и качественного состава партии. Более того, он становился все более опасным по мере

стремительного роста численности КПСС. В марте 1917 г. партия насчитывала 24 тыс. человек, в марте 1921 г. – 732,5 тыс., на 1 января 1979 г. – 16,7 млн, в 1989 г. – 19,5 млн; в их числе 45,5 % – рабочие, 11,5 % – колхозники, 43 % – служащие. В 1956 г. коммунисты составляли 6 % населения страны, в 1971 г. – 9 %, в 1979 г. – 10 %.

В рядах партии оказалось немало людей с неустойчивыми моральными качествами – карьеристов, бюрократов, стяжателей, властолюбцев, нетерпимых к критике и плюрализму мнений, уверовавших во вседозволенность и избранность.

Курс на перестройку у многих членов КПСС (а под их влиянием – и у беспартийных) вызвал недоверие, непонимание и отторжение, был воспринят как очередная политико-популистская кампания или отступление от идеалов социализма. Заметно снизилась эффективность влияния на общество сотен тысяч пропагандистов и агитаторов. Ощущалось массовое равнодушие к призывам ЦК и его Политбюро радикализировать экономические реформы посредством рыночных отношений. Накаляли ситуацию деструктивные, подстрекательские субъекты, которые не получали адекватного идейного противодействия и объявляли коммунистов «преступным сообществом». В этой ситуации началось сокращение численности партии, снижение дисциплины в ее рядах. Накануне XXVII съезда [2] не уплачивающих взносы насчитывалось 31 тыс., в конце 1989 г. – 289 тыс., а на 1 апреля 1990 г. уже 670 тыс.

По результатам Всесоюзного социологического исследования 1987 г. перестройка осуществлялась противоречиво и неудовлетворительными темпами. Ее успешность отмечали только 14,5 % опрошенных в партийных органах, 12,9 % – советских, 9 % – профсоюзных, 7,3 % – хозяйственных и 6,7 % – комсомольских.

В коллективах реформы воспринимались настороженно. Только 44 % рабочих и колхозников, 39 % руководителей признавали факт застоя в развитии страны. Пятая часть респондентов оптимистично заявила, что в их коллективе торможения не наблюдается, хотя и не отрицались такие негативные явления, как разрыв между словом и делом у администрации (22 %), профсоюзов (18 %). Выполняли постоянные и временные общественные поручения треть опрошенных (28–33 %); 14 % рабочих и колхозников не имели никаких поручений. Выступали на собраниях и совещаниях с конкретными замечаниями и предложениями 38 % рядовых работников и 50 % руководителей. По мнению 50 % руководителей и специалистов, гласность реализовалась частично.

Абсолютизация централизма, недооценка его социально-нравственных последствий обернулись «махровым» автократизмом в организации внутренней жизни партии и управлении страной. Лидеры партии на XXVIII съезде КПСС отвергали демократический централизм, сложившийся в условиях административно-командной системы, жесткую

централизацию, отстаивали такие демократические принципы, как выборность и сменяемость, гласность и отчетность, подчинение меньшинства большинству, право меньшинства отстаивать альтернативное мнение, в том числе в партийных органах массовой информации.

Демократизация в партии предполагала участие всех ее членов и структур в формировании политики КПСС посредством общепартийных и региональных дискуссий, референдумов; отдельные коммунисты и группы имели право выражать свои взгляды в платформах; поддерживалась коллективность и открытость в работе всех органов партии, свобода критики и т. д.

Во-вторых, поверхностно и редко рассматривались в партии этические проблемы социалистической практики, духовно-ценностные аномалии в государственном управлении. В системе партийного просвещения, средствах массовой информации, гуманитарных науках, документах КПСС и государственных органов глубоко укоренились явления, затрудняющие объективное познание ситуации в стране: дефицит правды, «парадность» пропаганды; закостенелость форм и жанров агитации; внедрение в сознание людей идей и выводов, не созвучных их заботам и ожиданиям; низкий уровень профессионально-нравственной культуры партийных и государственных чиновников.

Забытой страницей истории партии оказались поучительные дискуссии 1920-х гг., высвечивающие морально-этические проблемы. В острой полемике выявлялись и открыто обсуждались опасности, угрожающие дееспособности власти. Это была здоровая реакция лидеров на всплеск негативизма, обусловленного стремительным ростом численности партии на волне революционного энтузиазма (тридцатикратный – с марта 1917 г. по март 1921 г.). Укоренялись такие социальные пороки, как взяточничество, чванство, карьеризм, угодничество, самоуверенность, стяжательство, ловкачество, бюрократизм, вседозволенность, статусное почитание, возвеличение гениальной исключительности вождей. Завоевав безраздельную власть в острой политической борьбе, партия большевиков не уделяла пристального внимания моральным проблемам управленческой деятельности – критике ошибок и недостатков; благосклонно относилась к массовому переименованию в честь революционеров старых городов и улиц. Готовность радикально перестроить жизнь парадоксально сочеталась с ожесточенностью, деспотизмом, беспощадностью к свергнутым классам, огрублением чувств, девальвацией этических критериев.

В целях преодоления морально-политических деформаций по решению IX партийной конференции (1920) была образована Контрольная комиссия. Она действовала наряду с Центральным Комитетом партии, независимо от него, являясь своеобразным «судом коммунистической чести». Такие же комиссии были созданы в губернских и областных пар-

тийних організаціях. В результаті першої генеральної чистки партійних рядів, проведеної по рішенням Х з'їзду РКП(б) (1921), із партії було виключено 24 % її складу. «Лікування хвороб» потребувало «терапії», якою займалися контрольні комісії. В процесі дискусій були вироблені етичні критерії поведінки комуністів. «Терапія» проводилася відкрито, гласно; матеріали політичних лідерів публікувалися в періодичній друці, окремих брошурах, збірниках статей. Значення полеміки складалося в тому, що вона закріпила позитивне ставлення до моралі і етики, сприяла подоланню нігілізму і неврахування до духовно-моральних процесів в суспільстві.

Підкреслимо, що по проблемах моральності в СРСР був виданий масив монографій, збірок творів класиків марксизму-ленінізму, партійних лідерів, матеріалів наукових конференцій. Вони відображають цінності держави, ідеали КПСС. Однак в області практичного здійснення теорії накопичувалися і своєчасно не розв'язувалися загострюючі проблеми і супереччя моральної життя, що руйнувало духовно-моральний фундамент державного управління і стосунків між громадянами. В інтересах оздоровлення соціокультурного середовища ХХVIII з'їзд КПСС (1990) ініціював прийняття Закону СРСР в захист моральності, також запропонував створити спеціальну комісію ЦК по культурі, освіті і науці для розробки рекомендацій по вмісту і методах діяльності партійних організацій в духовній сфері [3].

В-третьєх, вищим типом політичної влади КПСС провозгласила соціалістичну демократію, яка, напевно, працювала. В 1923 г. 20 % опитаних громадян брали участь в громадській діяльності. В 1929–1931 гг. 21 % робітників промисловості, 15 % – совхозів, 13 % – колхозників були в партійних і профсоюзних організаціях. В 1960-е гг. в громадсько-політичну практику було залучено вже 50–55 % працюючих, а в 1978–1979 гг. – 61 % .

Однак закріплені в Конституції країни норми здійснювалися непослідовно. По даним соціологів, майже чверть респондентів в 1970-е гг. проявляла повне байдужість до громадської роботи. Серед молоді в віці від 17 до 25 років 39 % виконували доручення нерегулярно, а 12 % – їх не мали. Головні причини пасивності – неуваження до ініціатив, конкретних пропозицій по покращенню справ, атмосфери на підприємствах, в колективах; формалізм в громадсько-політичній діяльності; недоліки ціннісної мотивації, освіти і виховання.

Демократична риторика еліти не отримувала підкріплення створенням умов, гарантуючих права особистості, вільне волевиявлення і зацікавлене участь в управлінні державою. За парад-

ными декорациями пропаганды, декларированием идеи народовластия утверждалась автократия. Политическая власть все в большей степени концентрировалась аппаратом во главе с ЦК КПСС, его Политбюро и генеральными секретарями, партийными комитетами в регионах страны.

Ситуация в государстве и мире диктовала необходимость кардинального реформирования политической системы – отказа от партийного монополизма, переосмысления роли общественных объединений, спецслужб, возвращения Советам их имманентной роли в управлении, внедрения принципов гласности, критики, плюрализма, консенсуса и компромисса. Анахронизм в организации жизни общества, «глухота» субъектов политики к вызовам практики сковывали реализацию духовных и творческих потенциалов. Социум не смог противостоять культу личности, угодливому повиновению и «стукачеству», подлости, защищать без вины пострадавших от репрессий, заинтересованно участвовать в искоренении негативных явлений в экономике и других сферах.

Тотальное огосударствление бытия, смешение полномочий и ответственности партийных и государственных органов, административно-командное управление, бюрократизм, тотальный контроль и принуждение тормозили социальный прогресс. Политическая система сковывала инициативу и творческую самостоятельность граждан, оказалась антиподом законности и правопорядка. Она проявила к концу своего семидесятилетнего господства классическую неспособность гибко и эффективно реагировать на объективную реальность, насущные потребности человека, гарантировать его права и свободы. Разрушительное следствие функционирования системы – равнодушие, ослабление социально-творческой активности трудящихся, их отчуждение от государственной собственности и управления.

Корни банкротства СССР – в деструкциях организации власти, избирательной системе, автократическом распределении полномочий между партией и Советами народных депутатов. Основным принципом революции «Вся власть Советам!» был искажен до неузнаваемости. Выборные органы народовластия фактически были отстранены от практического решения экономических, социально-культурных, национальных вопросов. Символическим было их участие в решении местных проблем и задач цивилизованного жизнеустройства совместно с партийными и исполнительными органами.

Настоятельно требовала демократизации национальная политика КПСС. Ее драматическое наследие – насильственное лишение государственности, депортации, в том числе и целых народов, игнорирование их экономических и духовных интересов, репрессии против «непокорной» интеллигенции, разрушение природной и социальной среды обитания многих народов, деградация их уникальных ценностей, взаимные обиды и претензии. Союзные руководители явно недооценивали духов-

но-мотивационную мощь национальной культуры. Следствием явилось то, что идея «нового мышления» не была воспринята мировоззрением многих тысяч известных деятелей науки, образования, литературы и искусства – они присоединились к оппозиции, не поддержали инициативы законной власти.

К 1980-м гг. острота и неразрешенность противоречий в сфере национальных отношений стали главным источником этнических конфликтов, сепаратистских устремлений, распада СССР.

Признание права наций и народностей СССР на свободное самоопределение, обозначенные в программе партии приоритеты и средства достижения интернациональной солидарности народов, слияния их в будущем на базе гармоничного раскрытия жизненного потенциала, укрепления взаимного доверия и дружбы, взаимообогащения культур, частично были реализованы в федеративном (а фактически – унитарном) государстве.

Диктат властных институтов (до сотни союзных министерств и восьмисот ведомств), ущемление национальных чувств, прав и интересов союзных республик породили в конце 1980-х гг. сепаратистские настроения и действия. Неодолимыми стали тенденции к политической независимости, разрушению сложившихся взаимосвязей национально-территориальных образований в экономике, науке, культуре. Обострились проблемы национальных языков, освоения новых технологий, повышения производительности труда, охраны окружающей среды, экспорта неконкурентоспособной продукции, неэффективного импорта, внешней задолженности. Кризисная обстановка вынудила власть отразить их в проекте Союзного договора, расширить экономические и политические права республик, существенно обновить принципы их взаимоотношений в едином народно-хозяйственном комплексе.

XXVIII съезд КПСС [3] принял резолюцию «Демократическая национальная политика – путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами». Впервые было заявлено, что острота и неразрешенность национальных противоречий в СССР создают реальную угрозу начавшимся демократическим процессам; что дальнейшая эскалация напряженности грозит обществу распадом и возможной дестабилизацией ситуации в мире.

О несоответствиях политической системы вызовам жизни свидетельствуют факты гендерного неравенства. В 1988 г. руководящие должности в стране занимали 48 % мужчин и только 7 % женщин с высшим и средним специальным образованием. Среди секретарей обкомов, крайкомов партии было 7 женщин, хотя в КПСС их численность превышала 29 %, а среди занятых в народном хозяйстве – 50 %. Негативно отражалось на морально-психологическом климате фактическое неравенство женщин в оплате труда. Три с половиной миллиона трудились

в условиях, не отвечающих требованиям норм и критериев охраны труда – в загазованных, запыленных цехах, при повышенном уровне шума, неблагоприятном температурном режиме. Ситуация обострялась неудовлетворительными социально-бытовыми условиями, некачественной медицинской помощью, неблагополучием в семьях, увеличением числа разводов.

Только на закате СССР, в обстановке массового недовольства руководство КПСС публично признало пагубность формальной демократии. Были предложены новации в избирательной системе, развитии демократических начал в общественных и государственных институтах, критики, социального контроля власти; предупреждении волонтаризма, лицемерия, популизма, фарисейства и других несовместимых с ценностями социализма явлений. XIX Всесоюзная конференция КПСС [1] приняла чрезвычайно значимые, но запоздалые резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О гласности», «О борьбе с бюрократизмом», «О правовой реформе».

В-четвертых, разрушал доверие к партии и сковывал аналитическую мысль догматизм ее идеологии. Лейтмотив советской пропаганды и агитации – марксизм-ленинизм, по нашему твердому убеждению, есть подлинно научная идеология, выражающая коренные интересы трудящихся, идеалы социальной справедливости; его сила – в творческом развитии, перманентном теоретическом и критическом осмыслении социальных явлений и процессов. Между тем в условиях монопольного господства КПСС многие концептуальные идеи, прогнозы и выводы идеологии «окостенели», были канонизированы, превратно отражали социальные процессы, насущные потребности и вызовы кризисного общества, ситуацию в мире. Под влиянием неблагополучия в экономике и качестве жизни граждан целенаправленно внедрялись в общественное сознание догматические знания, основанные на механистическом, некритическом восприятии ситуации в стране и глобальном мире, социалистические ценности утрачивали творческий потенциал, научность и привлекательность. Идеология правящей партии как духовно-нравственный ресурс государства обретала неприглядную форму иллюзорного постулата, не отвечающих потребностям практики выводов, заявлений и обещаний политической элиты.

Кризисные тенденции превалировали в гуманитарных науках; они не соответствовали, как это не прискорбно осознавать, извечному движению человеческого духа к истинному знанию, перманентному обогащению теоретической мысли на основе объективного познания действительности. Апологетика и ортодоксия заглушали творческую мысль аналитиков-подвижников. Чувство долга и ответственности ученых за формирование мировоззрения, гуманитарной культуры общества подавлялось официальными априорными идеями, лозунгами и схемами

обустройства жизни граждан, парадными «декорациями», негласными запретами инакомыслия, доносами и угрозами обвинения в нелояльности к власти и социализму.

В-пятых, негативно отразился на авторитете партии «кадровый застой» в руководящих структурах, особенно в ЦК КПСС и его Политбюро.

Ухудшающаяся ситуация в государстве диктовала необходимость изменения подходов к кадровой политике, реформированию экономики, социальной и духовно-нравственной сфер. Однако реагирование элиты на кризисные тенденции бытия тормозилось консерватизмом мышления, не соответствующим вызовам практики уровнем профессиональной и моральной культуры. Контрастно этот недостаток проявился в условиях поляризации и дифференциации мнений, идейных баталий в конце 1980-х гг. Многочисленный кадровый корпус партии оказался не подготовленным к радикальным переменам, использованию новаторских управленческих технологий и рыночных механизмов.

Монопольное господство КПСС породило спектр опаснейших девиаций: ее авангард демонстрировал несостоятельность, неспособность к разрешению проблем и противоречий общества; «хронические болезни» замалчивались, скрывались от общественности завесой секретности. Возобладали опаснейшие пороки властвования: апология мнимых достижений страны; популизм и фарисейство; принудительная унификация мировоззрения людей посредством «партийного просвещения»; целенаправленное формирование культа «гениальных» вождей; «кремлевское интриганство», коррупция, карьеризм и прожектерство.

В 1985 г. партия, осознав катастрофичность ситуации, подорвавшей доверие к ее политике и идеологии, инициировала «перестройку» – демонтаж изжившей себя политической системы с целью обновления социализма. На смену монополизму власти пришли свободомыслие и гласность, информационная открытость. Зарождалось новое политическое мышление. Острейший кризис в стране «верхов» и «низов» дал толчок к реалистичной оценке мировых процессов, освобождению от конфронтационного подхода во внешней политике. Были осуждены преступления власти, реабилитированы жертвы репрессий и принудительного выдворения из СССР. XXVIII съезд КПСС (1990) констатировал угрожающие масштабы деформаций в экономике, социальной сфере, международных отношениях, культуре, использовании природных и человеческих ресурсов.

Эти инициативы и искреннее покаяние явно запоздали. Опрос респондентов, проведенный в июне 1989 г. Институтом марксизма-ленинизма, показал, что с социалистической перспективой связывают будущее только 2,3 % беспартийных и 4,8 % партийцев.

Провозгласив курс на перестройку, даже члены ЦК КПСС и его Политбюро были не в состоянии действовать сплоченно, компетентно

и ответственно. Многие из них оказались в «трясине» демагогии, меркантилизма, рыночной вакханалии, «прихватизации». Они не приняли идею обновления страны «ни политически, ни психологически». Более того, защищали свою консервативную позицию под предлогом преданности принципам, интересам народа. Лидеры КПСС не оправдали доверия миллионов честных коммунистов страны и мира, проявили управленческую беспомощность и морально-политическую безответственность. Эту горькую правду истории невозможно опровергнуть. Она, в чем нет сомнения, на века закрепила в общественном сознании.

Уроки этики, извлеченные из советского и мирового опыта, актуальные для субъектов политики суверенных государств на евразийском пространстве, сводятся к следующему:

1) благодеяние и чистая совесть власти – не в красноречии ее представителей, завораживающих идеях, намерениях и обещаниях, а в разумном обустройстве жизни человека;

2) некомпетентное и несправедливое государственное управление портит общественные нравы;

3) материальное и духовное благополучие граждан – обязательное условие согласия, оптимизма, национальной безопасности, плодотворной созидательно-творческой деятельности;

4) все бедствия и неурядицы в социуме – от бездарной, своекорыстной, расточительной и авторитарной власти;

5) кто во властных структурах не лучших продвигает вверх по карьерной лестнице, тот девальвирует и опошляет моральные критерии реформ, «засоряет», разлагает и дискредитирует государственную власть; он непременно должен изгоняться из системы управления обществом;

6) сила власти – в благоразумии, творении добра, рациональности стимулирования и приумножения человеческого капитала, бережном отношении к законным требованиям гражданина, общественному достоинству и мнению;

7) нет лекарства от пороков власти в социуме, где возобладали дурные обычаи, коррупция, консерватизм мышления и ценностей, равнодушные к нуждам и ожиданиям людей, противоречия в обустройстве жизни на принципах благополучия и цивилизованности.

Вопросы справедливости, необходимости использования рационально-плодотворных, нравственно мотивированных методов властвования, вопросы государственности во все времена были актуальными и находили выражение как в теоретических исследованиях, так и в практической политической деятельности.

Известный французский социалист-утопист Габриэль Мабли называл политику общественной моралью, а мораль честной политикой. Белорусско-польский поэт Адам Мицкевич также утверждал, что по-

політыка несастаятельна без какой-либо моральнай асновы. По мненню Віктара Гюга, політыка і мораль абумоўліваюць асацыяванне гуманістычных ідэалаў.

В. І. Ленін паслядоўна выступал за іскреннасць у політыцы, так як ложь, ліцмерне, волонтарызм і авантюрызм, на яго выгляд, яўляюцца нравсвеннай гібелью, залогам політычнага банкруцтва.

Із вышэйзложеннага можна зрабіць высновы, што толькі грамадства, утвараючае высоконравсвенны образ жыцця і прынцыпы прававой дзяржаўнасці, здольна забяспечыць фарміраванне духоўнай, гарманічнай асобы, задавальніць яе разумныя матэрыяльныя і духоўныя патрэбнасці.

Апыт гісторыі пераконвае, што нравсвенныя крытэрыі дзяржаўнага менеджмента цэласообразна прадстаўляць у політычных дакументах, прафесійных кодэксах і абавязаннасцях.

Прыярытэтамі могуць быць:

- сістэмныя моральна-этычныя характэрыстыкі політыкі і управлення;
- нравсвенныя патрабаванні да інстытутаў і кіраўніцтвам;
- сутнасць і асабнасці моральнай культуры менеджэраў і спецыялістаў у вобласці маркетынгу, дэтэрмінанты іх аўтарытэта;
- тэхналогіі забяспечэння гуманізацыі сацыяльна-культурнай сроды, пераагрэжэння бюракратызма, лоббізму, карупцыі; кансерватызма, волонтарызма і другіх антыподаў моралі;
- сродства, прыёмы і працэдурныя расшырэння гласнасці, дазволена сацыяльна-політычных канфліктаў;
- метады ўдзялення грамадскасці ў праваахоўную дзейнасць, побуджэнне яе да пераагрэжэння і іскорення антыподаў культурнай жыцця.

Сучасныя тэхналогіі дзяржаўнага менеджмента ў Беларусі павінны быць іскуснымі, асновывацца на моральна-этычных каштоўнасцях і гібкіх заканадаўчых імператывах, творчых і эфектыўных дзеяннях суб'ектаў у эканоміцы, навуцы, асветы, іскусстве – у вольных сферах быцця, абагачаючых стваральны патэнцыял грамадсвенных адносін, ачышчаючых моральна-псіхалагічную атмасферу ў краіне. Гэта – сутнасць умова кансолідацыі грамадзян на платформе інавацыйнай і сацыяльна эфектыўнай мадэрнізацыі, нацыянальнай бяспаснасці ў умовах постіндустрыяльнай цывілізацыі і глабалізацыі, нравсвенна-патрыятычнага выхавання маладога пакалення на прымерах ісцінай духоўнасці, даверлівага ўзаемадзейства са легітымнымі інстытутамі ўлады і політычнымі лідэрамі.

1. XIX Всесоюзная канферэнцыя Камуністычнай партыі Саветскага Саюза, 28 чуня – 1 чуня 1988 г. : стэногр. ачот : у 2 т. – М. : Політыздат, 1988. – Т. 2. – 399 с.

2. Матэрыялы XXVII с'езда Каммуністычнай партыі Советскага Саюза. – М. : Політыздат, 1986. – 352 с.

3. Матэрыялы XXVIII с'езда Каммуністычнай партыі Советскага Саюза. – М. : Політыздат, 1990. – 207 с.

P. Bondar

**Spiritual deformations in the ruling party:
causes, effects, ethics lessons to political subjects**

The sources and consequences of spiritual and moral deformations in the CPSU as the ruling party in the Soviet society are analyzed, and the essential meaning of the ethics lessons to the political subjects of Belarus and other sovereign states in the Eurasian space is substantiated.

The conceptual leitmotif of the article is the monopoly power of one party in the USSR, which gave rise to a spectrum of social deviations: leaders who were in the rearguard of the communist army in conditions of a deepening crisis in the society evaded its problems and contradictions; propaganda tools suppressed "chronic diseases"; the political elite shielded itself with a veil of secrecy; the total apology of imaginary achievements prevailed; the unanimity was encouraged and dissent was restrained; the cult of "genius" leaders was purposefully formed; "Kremlin intrigue", corruption, careerism and projection flourished.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 04.01.2020.